

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.20323/1813-145X_2024_1_136_100

EDN: PTCUUZ

К. Д. Ушинский и становление психологии как науки

Владимир Александрович Мазиллов

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

v.mazilov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Аннотация. Творчество К. Д. Ушинского рассматривается в контексте развития российской культуры середины XIX столетия. Область душевных явлений оставалась одной из немногих сфер, неподвластных науке того времени. Научной психологии еще не было, но вопросы, связанные с пониманием человека, взаимоотношением личности и общества, психической жизни индивида активно обсуждались и в обществе, и в научных изданиях, и на страницах литературных журналов. Психологические идеи оказывали огромное влияние на общественную жизнь, достаточно вспомнить, к примеру, какой общественный резонанс имела известная дискуссия между И. М. Сеченовым и К. Д. Кавелиным, которая стала значимым явлением в культурной жизни России. Публикация работ Ушинского оказала огромное влияние на теорию и практику образования. Идеи Ушинского о научной психологии и само обоснование психологии оказались восприняты обществом в значительно меньшей степени. Статья посвящена творчеству великого русского ученого К. Д. Ушинского. Анализируется его вклад в создание научной психологии. Утверждается, что Ушинский был создателем оригинальной версии научной психологии. Во второй половине 1860-х гг. научной психологии еще не существовало, более того, не были определены методологические основания и принципы, на которых должна основываться психология как отдельная самостоятельная дисциплина. Версия Вундта, разработанная как ответ на кантовскую критику эмпирической психологии, была обоснована уже после смерти Ушинского. Вундтовская версия была принята научным сообществом, несмотря на очевидные недостатки. Научная психология, по Ушинскому, должна основываться на антропологическом подходе и на фактах, а также быть применимой в практике, «в деле воспитания». Версия Ушинского имела очевидные преимущества перед вундтовской, но не была оценена по достоинству. В статье анализируются причины, по которым концепция Ушинского не получила признания и поддержки.

Ключевые слова: К. Д. Ушинский; психология; наука; методологические основания; научная психология; психологические идеи; антропологический подход

Для цитирования: Мазиллов В. А. К. Д. Ушинский и становление психологии как науки // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 1 (136). С. 100-108. http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2024_1_136_100. <https://elibrary.ru/PTCUUZ>

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY,
PSYCHOLOGY HISTORY

Original article

K. D. Ushinsky and the formation of psychology as a science

Vladimir A. Mazilov

Doctor of psychological sciences, professor, head of department of general and social psychology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
v.mazilov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Abstract. The work of K. D. Ushinsky is considered in the context of the Russian culture development in the mid-XIX century. The field of spiritual phenomena remained one of the few areas beyond the control of the science of that time. There was no scientific psychology yet, but issues related to the understanding of man, the relationship between personality and society, the mental life of an individual were actively discussed in society, in scientific publications, and on the pages of literary journals. Psychological ideas had a huge impact on public life, it is enough to recall, for example, what kind of public resonance the well-known discussion between I. M. Sechenov and K. D. Kavelin had, which became a significant phenomenon in the cultural life of Russia. The publication of Ushinsky's works had a huge influence on the theory and practice of education. Ushinsky's ideas about scientific psychology and the very justification of psychology were perceived by society to a much lesser extent. The article is devoted to the work of great Russian scientist K. D. Ushinsky. His contribution to the foundation of scientific psychology is analyzed. It is claimed that Ushinsky was the founder of the original version of scientific psychology. In the second half of the 1860s scientific psychology did not yet exist, moreover, the methodological grounds and principles on which psychology should be based on as a separate independent discipline were not determined. Wundt's version, developed as a response to Kant's criticism of empirical psychology, was substantiated after the death of Ushinsky. The Wundt's version was accepted by the scientific community, despite obvious shortcomings. Scientific psychology, according to Ushinsky, should be based on the anthropological approach and on facts, as well as be applicable in practice, «in the field of education». Ushinsky's version had obvious advantages over Wundt's one, but was not appreciated. The article analyzes the reasons why Ushinsky's concept did not receive recognition and support.

Key words: K. D. Ushinsky; psychology; science; methodological grounds; scientific psychology; psychological ideas; anthropological approach

For citation: Mazilov V. A. K. D. Ushinsky and the formation of psychology as a science. *Yaroslavl pedagogical bulletin.* 2024; (1): 100-108. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2024_1_136_100. <https://elibrary.ru/PTCUUZ>

Введение

Работы К. Д. Ушинского имеют огромное значение не только для педагогики и психологии. Публикация педагогической антропологии (первый том вышел в 1868 году) стала важным событием в культурной жизни современной России. Работы по психологическим вопросам в России подвергались жесткой цензуре именно по причине их влияния на культуру и общество. Широко известны факты, когда в 1860-е гг. было запрещено опубликование второго тома сочинения В. Вундта «Лекции о душе человека и животных» и он вышел с опозданием на год, существовал запрет на печатание «Рефлексов головного мозга» И. М. Сеченова. О сложности ситуации в культурной и общественной жизни в 1860-е гг. пишет известный историк психологии

А. Н. Ждан: «Процесс оформления психологии в самостоятельную науку происходил в сложных условиях. Переживаемый Россией кризис крепостничества, завершившийся отменой крепостного права (в результате крестьянской (1861) и других буржуазных реформ) и утверждения капитализма, получил отражение в столкновениях и спорах между различными направлениями общественно-исторической мысли. В различных течениях в философии, а также в художественной литературе, которая в России всегда была источником философско-этических и психологических знаний. В рамках этих споров осмысливались проблемы своеобразия России. Ее культуры и философии в сопоставлении с западноевропейской мыслью и философией (особенно западничество и славянофильство, почвенничество и «боготворчество» Ф. М. Достоевского»

и Л. Н. Толстого). На развитие психологических идей оказывали влияние различные направления философской мысли» [Ждан, 2009, с. 7].

Другой известный советский историк психологии А. В. Петровский, характеризуя развитие психологии в России, отмечал: «В этот период оформляются и реально противостоят друг другу три основные направления в психологии, которые в свою очередь подразделяются на многочисленные школы. Эти направления могут быть условно обозначены следующим образом: философская умозрительная психология, естественнаучная психология и эмпирическая психология» [Петровский, 1984, с. 13].

Создается такое впечатление, что на общественную атмосферу в российском обществе труды К. Д. Ушинского повлияли даже больше, чем на становление психологической науки в России. Работы Ушинского психологами-современниками К. Д. Ушинского не были оценены по достоинству, особенно в части обоснования великим русским педагогом научной психологии, основанной на фактах. Выше мы цитировали работы историков психологии, к слову, они тоже отказывают Ушинскому в признании того, что им был представлен оригинальный проект научной психологии. Стоит ли удивляться, что новизны и оригинальности концепции не заметили его современники... Впрочем, выяснению причин недостаточного внимания психологов к учению великого психолога К. Д. Ушинского посвящена эта статья.

Результаты исследования

Уходящий 2023 год ознаменовался юбилеем выдающегося отечественного ученого и педагога К. Д. Ушинского (1823–1870). В связи с 200-летием со дня рождения «учителя русских учителей» было проведено большое число различных научных и научно-методических конференций, опубликовано множество работ, анализирующих труды и научное наследие великого русского ученого. В подавляющем большинстве выступлений и публикаций фиксировался выдающийся вклад К. Д. Ушинского в педагогику, тогда как его заслуги перед психологией чаще всего сводились к разработке вопросов, связанных с педагогической психологией. Напрашивается вывод, что *общепсихологическое значение* исследований Константина Дмитриевича Ушинского по-прежнему остается недооцененным.

Не имея возможности в рамках настоящего текста осветить вопрос о вкладе Ушинского в методологию психологии и общую психологию, остановимся лишь на некоторых моментах.

Ушинский, несомненно, был *именно педагогом*, главной задачей его научной деятельности была разработка *основ научной педагогики*, которая была успешно решена в его знаменитой «Педагогической антропологии» [Ушинский, 1950; 1951; 1952].

Однако при этом стоит помнить, что фундаментом научной педагогики, согласно Ушинскому, выступают другие научные дисциплины, наиболее важными среди которых являются психология и физиология. Русский ученый скрупулезно рассматривает публикации по психологической тематике, вышедшие в Германии, Англии, Франции, и приходит к обоснованному выводу, что научной психологии в то время просто не существует [Рамуль, 1956; Мазиллов, 2023а]. Поэтому для осуществления своей главной задачи – создания научной педагогики – он вынужден самостоятельно разработать основы научной психологии. Иными словами, разработка системы научной психологии является для русского ученого *средством* решения его основной задачи. Понятно, что Ушинский сконцентрирован на достижении главной цели, свою роль в разработке системы психологии он не акцентирует. Напротив, мы можем в его текстах обнаружить уничижительные замечания на этот счет [см: Мазиллов, 2023]. Однако, эти ремарки не должны вводить в заблуждение, ибо порождены научной скромностью, перфекционизмом самого исследователя и его сосредоточенностью на главной задаче.

Необходимо отметить, что в то время, когда Ушинский приступил к разработке проекта по созданию основ научной психологии, отсутствовали даже методологические основания для ее разработки [Рамуль, 1956]. С 1786 года была известна методологическая критика эмпирической психологии, осуществленная Иммануилом Кантом [Кант, 1966]. Кант исходил из того, что эмпирическая психология (рациональную психологию, напомним, Кант отвергал) должна быть *естественной наукой*. Сопоставив современную эмпирическую психологию с естественными науками, Кант заключил, что психология не может использовать математику и эксперимент (именно это принесло успех науке в Новое время), а также в психологии нет устойчивых элементов, а метод самонаблюдения

ненадежен и меняет естественный ход душевных процессов. Это привело Канта к знаменитому вердикту: психология никогда не сможет стать полноценной наукой [Современная..., 2011; Мазиллов, 1998].

До середины XIX столетия психология неукоснительно ориентировалась на эту критику, стремясь оспорить правомерность кантовских замечаний. Психология пыталась по возможности использовать математику, эксперимент, пыталась обнаружить устойчивые элементы и усовершенствовать самонаблюдение [Мазиллов, 1998].

Ушинский проанализировал работы по философии и зарождающейся философии науки, но не нашел там приемлемых оснований для разработки научной психологии. Обратим внимание на то, что им были глубоко проработаны сочинения И. Канта, Д. Юма, Д. С. Милля, Г. Спенсера, О. Конта, Г. Гегеля и многих других философов. Ушинский не нашел удовлетворительного решения, позволяющего создать систему психологии, столь необходимую ему для раскрытия проблемы воспитания, для «дела воспитания» [Мазиллов, 2023].

Поэтому и методологические основания для создания научной психологии ему пришлось разработать самостоятельно.

К. Д. Ушинский активно использует в своих построениях современные подходы, которые только оформляются в девятнадцатом столетии: генетический, эволюционный, исторический.

При разработке педагогической антропологии Ушинский использовал методологический ход, полностью оправдавший себя при обосновании камерального образования [см: Мазиллов, 2023]. В том случае молодой Ушинский (1848) использовал широкое понятие «родина», в своем позднем проекте «Педагогической антропологии» в качестве такового основания выступает понятие «человек», откуда логично появляется именно антропология. В соответствии с этим свое исследование Ушинский строил так, чтобы отразить этапы, пройденные человечеством: 1) формирование человеческого организма в истории органического мира; 2) формирование элементарных психических процессов в истории животного мира; 3) формирование собственно человеческой психики в истории человеческого общества. Это задавало структуру концепции Ушинского: вначале часть физиологическая (изучение человеческого организма); вторая посвящена изучению человека как психофизиологического существа; третья –

изучению психических явлений, свойственных только человеку [Струминский, 1953, с. 29–30].

Не имея возможности проанализировать в рамках настоящей статьи логику построения Ушинским концепции психологии, отошлем читателя к соответствующим публикациям [Мазиллов, 2023; Мазиллов, 2023а].

Как хорошо известно, большинство европейских ученых пошло по пути, обозначенному Кантом: они пытались доказать, что кантовская критика не так сокрушительна, что можно применять и математику, и эксперимент, усовершенствовать самонаблюдение, научить испытуемых выделять в опыте элементы и т. п. Полный ответ на кантовскую критику по всем пунктам был дан Вундтом [Wundt, 1874; Вундт, 1880], который и считается официально *создателем психологии как науки* [Современная..., 2011; Мазиллов, 1998]. Напомним, что вундтовский проект в развернутой форме был представлен научному сообществу уже после смерти Ушинского [Мазиллов, 2023].

Вундтовский подход Ушинского категорически не устраивал. Он прекрасно понимал, к чему это ведет: отправляясь от элементов можно построить лишь *абстрактные теории*, далекие от жизни, которые Ушинский резко критиковал. Да и ментальная физика, умственная механика, психическая химия Ушинскому не были нужны. Он с большей пользой использовал опыт тех английских психологов (к примеру, А. Бэна), которые реализовали функциональный подход, обеспечивающий большую целостность описания (по сравнению с атомистическим подходом немецких ученых, мечтавших из исходных элементов сконструировать целое). Такой элементаристский подход пригоден для создания абстрактных теорий (заметим в скобках, он скорее позволяет *обосновать* исходные гипотезы, так что факты здесь играют далеко не первостепенную роль). Концепция Ушинского, в противоположность элементаристскому подходу, анализирует факты, именно *основывается* на них. Поэтому можно утверждать, что у Ушинского мы встречаемся с первой версией в мировой психологии, которая *действительно реально использует факты*.

Ушинскому были необходимы целостность, жизненность, связь с практикой, возможность использовать данные о психических явлениях в деле воспитания. Поэтому он, руководствуясь основными идеями (системности, развития, историчности), выстраивает картину развития психической жизни – от элементарных форм до самых сложных, характеризующих высшие прояв-

ления духовной жизни человека. Ушинский вынужден строить свою психологию *по своей собственной методологии*. Надо полагать, что Ушинскому было ясно, что на естественном подходе *всю психологию* не построить, явления *духа* не объяснить.

Не будем здесь характеризовать преимущества методологического подхода Ушинского перед вундтовским, реализовавшим кантовскую логику [Мазилов, 2023]. Скажем только, что для практических целей вундтовская психология была абсолютно непригодна. Да и нельзя не отметить, что охватывала эта научная психология в вундтовской версии лишь ощущения и движения – мизерную часть подлинного предметного поля психологии.

Ушинским была создана система психологии, основанная на фактах. Следование фактам Ушинский полагал важнейшим требованием к научной психологии. В «Педагогической антропологии» мы находим множество фрагментов, посвященных критике абстрактно-теоретических построений и указывающих на их крайнюю односторонность, а, следовательно, невозможность использовать на практике.

Понятно, что ни одному ученому не под силу создать фактологическую основу для целой науки. Поэтому Ушинский берет факты из работ европейских авторов, подвергает их тщательно и скрупулезному анализу, добавляет множество своих.

Ушинским была представлена монументальная система психологического знания, охватывающая предметное поле психологии во всем его объеме: от простейших психофизиологических феноменов до сложнейших проявлений духовной жизни человека. Разрыва между низшими и высшими уровнями психического, что было характернейшей чертой европейской научной психологии, у Ушинского не было [Мазилов, 2023].

Ушинский четко определил предмет и метод психологии, основные понятия, взаимоотношения психологии с другими науками, создал эмпирическую базу науки и т. д., то есть полностью решил *комплекс задач* для обоснования психологии как науки [Мазилов, 2023а]. Обратим внимание, что Ушинский подробно рассматривает важнейший для *конституирования психологической науки* вопрос, связанный со структурой дисциплины. Поскольку предмет психологии понимается Ушинским совокупно, то структура дисциплины фактически совпадает с трактовкой предмета. *Часть психологическая* включает в

себя сознание, чувства и волю, психические явления, которые свойственны лишь человеку (духовные): самосознание, рассудок и разум, мышление и речь, свобода воли, а также конкретные психические процессы высшего порядка (идеи как формы теоретического приближения к истине; эстетическое чувство как восприятие истины в образной форме; нравственное чувство как осознание прекрасного в отношениях между людьми; религия как исторически ранняя форма функционирования высшей психики).

Иногда возникает впечатление, что психология в XXI столетии только приближается к тому, что было намечено Ушинским полтора века тому назад...

Обратим внимание еще на одну важную деталь. Европейская научная психология сознательно шла на разрыв с философией, многовековой традицией изучения душевной жизни, чтобы обосновать собственную *научность*, игнорируя тем самым огромный опыт и наработки философской психологии. Пытаясь создавать науку «с чистого листа», действуя «революционно», новая научная европейская психология неизбежно сосредоточилась на изучении элементарных психических явлений, что делало ее малоприменимой для использования на практике.

Ушинский же, напротив, использует традиционную терминологию, не отказывается от понятия души, то есть продолжает традицию, не претендует на «революционные решения», но создает вариант научной психологии, который может использоваться в практике «дела воспитания».

Развитие психологии во второй половине XX столетия и в начале следующего века подтвердило правоту Ушинского: все чаще научная психология в XXI столетии использует понятия душа и духовность, хорошо понимая, что без них понять человека во всей его сложности невозможно. И особенно следует подчеркнуть, что Ушинский был прав, когда рассматривал психическую жизнь во всей ее полноте, то есть трактовал предмет психологии как целостный, совокупный. Все психическое объединяется в едином исследовательском пространстве. Это открывает перспективы: нет пропасти между элементарным и высшим, поскольку позволяет рассматривать переходы и переходные формы. Главный плюс такого подхода – в нем содержится противоядие против редукции, сведения к более простому (непсихическому), уничтожающему специфику изучаемого. В подходе Ушинского представлен изначально тот уровень психического, который

является определяющим для психологии человека: духовность нельзя вывести из биологии, поэтому в конструктивной трактовке предмета до этого уровня просто «не доходят».

В подходе Ушинского в сферу психологии включаются также те разделы, которых старается избегать биологически ориентированная психология. Речь идет о моральных и прочих составляющих человеческой психики. Напомним, что в психологию Ушинским включаются, в частности, такие психические явления, которые свойственны лишь человеку (духовные), а также конкретные психические процессы высшего порядка (см. выше). Не имея возможности дать здесь развернутый комментарий, приведем фрагмент работы Д. Робинсона [Робинсон, 2005]. Известный историк психологии пишет: «Что касается меня, то мне уже очень давно казалось, а сейчас стало еще более очевидным то, что общие контуры систематической психологии были очерчены во времена эллинской и эллинистической Греции. Если признать, что Уайтхед был в определенном смысле прав, называя всю философию примечанием к Платону, то большая часть истории психологии представляет собой примечание к Аристотелю. Если в настоящее время это не совсем очевидно, то только из-за нежелания современных авторов попытаться включить нравственные и политические стороны жизни в существующие теории и подходы. Само это нежелание базируется на прочно укоренившейся традиции рассматривать психологию как естественную науку (это — еще один долг Аристотелю), но затем представлять себе эту науку как занятие с гораздо более узкими целями и методами, чем собственно наука Аристотеля» [Робинсон, 2005, с. 27]. Как представляется, К. Д. Ушинский (в данном случае последователь и наследник Аристотеля) это хорошо понимал. Возможно, необходимость «методологического расширения» психологии будет осознана, что явится мощным стимулом для разработки тех проблем психологии, которым раньше не уделялось должного внимания. Если это произойдет, это тоже можно будет рассматривать как урок Ушинского. Для психологии XXI столетия это пока будущее.

Отметим также, что важным уроком Ушинского можно считать его трактовку научной этики. К. Д. Ушинский видел недостатки своей работы лучше критиков, сам о них заявлял, не скрывал, что некоторые вопросы *не могут быть решены* в настоящее время – наука не располага-

ет такими возможностями, но он не затушевывает их, а, напротив, обнажает. Возможно, это урок великого психолога его будущим последователям. Наверное, стоит расценивать это как новую норму научной этики от Ушинского. Вспомним, что Карл Поппер, формулируя свое знаменитое *анти-эссенциалистское заклинание*, утверждал, что обсуждения вербальных проблем ведет к забвению проблем реальных. Иными словами, туманные решения при помощи словесной эквилибристики только вредят развитию науки. Правда, это было потом, в XX столетии, когда Ушинского уже не было.

Однако, необходимо остановиться на вопросе, почему новаторская концепция Ушинского не была адекватно воспринята современниками. В качестве примера приведем представителя русской философской психологии В. А. Снегирева [Снегирев, 2008; 1893; Стоюхина, 2015]. В работе «Психология и логика как философские науки» (1876) В. А. Снегирев дает определение психологии: «Психология имеет своим предметом явления внутренней духовной жизни человека как явления, данные в опыте, доступные наблюдению внутреннему и отчасти внешнему, доступные в известной мере даже экспериментации, то есть искусственному намеренному измерению со стороны исследователя, явления, подчиняющиеся неизменным законам в своем происхождении и бытии, подобно всем другим явлениям доступного человеческого наблюдению мира» [Снегирев, 1876, с. 427]. В. А. Снегирев в своем монументальном систематическом курсе лекций, характеризуя русскую психологию второй половины в XIX столетия, отмечает, что Ушинский, в частности, занимает место среди тех, кто, критикуя всех остальных, в своем «Человеке как предмете воспитания» допускает «много заимствований у Ульрици и других» [Снегирев, 1893, с. 111]. Мы видим, что даже российские мыслители не смогли по достоинству оценить новаторский характер подхода Ушинского.

Этот пример прекрасно демонстрирует, что *ожидания* от научной психологии связывались именно с экспериментом как непременным атрибутом научности (даже философский и религиозный психолог В. А. Снегирев упоминает об «экспериментации» как достижении современной психологии). Хотя история убедительно показала, что роль метода эксперимента в психологии оказалась сильно преувеличенной и переоцененной. Главная причина, таким образом, в

том, что концепция Ушинского не соответствовала *ожиданиям научного сообщества*. Конечно, важными факторами недооценки роли Ушинского как психолога явились и следующие: 1) третий том «Педагогической антропологии» был опубликован лишь в 1908 году, концепция не выглядела завершенной, сам Ушинский не успел придать ей сколько-нибудь завершенный вид в связи с безвременным уходом из жизни; 2) в самом названии труда слово «психология» не использовалось; 3) сказалась научная скромность Ушинского, не делавшего никаких шагов для популяризации своего подхода [Мазиллов, 2023].

Если современники не смогли оценить по достоинству вклад Ушинского в психологию, то, возможно, это было сделано потомками? Действительно, такая попытка была предпринята. Во второй половине 1940-х гг., когда развернулась масштабная кампания по пропаганде педагогического учения великого русского ученого, Б. Г. Ананьев [Ананьев, 1945], С. Л. Рубинштейн [Рубинштейн, 1973], К. Н. Корнилов [Корнилов, 1946], В. С. Филатов [1948] и др. опубликовали труды, в которых подчеркивалась роль Ушинского как выдающегося психолога.

В частности, была опубликована известная статья Б. Г. Ананьева, озаглавленная «К. Д. Ушинский – великий русский психолог» [Ананьев, 1945]. В этой работе было убедительно показано, что заслуга Ушинского перед психологией состоит, в частности, в разработке системы *общей психологии*: «Развивая гуманистические и демократические традиции русской передовой философской и научной мысли, К. Д. Ушинский создал новые пути в развитии научной психологии» [Ананьев, 2007, с. 388]. Ананьев продолжает: «Велика роль К. Д. Ушинского, как зачинателя русской педагогической психологии. Однако было бы неправильно думать, что лишь в этом специальном разделе психологии К. Д. Ушинский являлся новатором и создателем традиций, развиваемых ныне советской педагогической психологией. Больше того, нельзя понять оригинальности и значительности созданных К. Д. Ушинским принципов педагогической психологии, не вскрыв особенных путей и принципов, разработанных впервые К. Д. Ушинским в *общей психологии, в психологической науке в целом* (Курсив – В. М.)» [Ананьев, 2007, с. 388–389]. Согласно Ананьеву, «обозревая всю картину развития русской психологии в XIX столетии, можно утверждать с полным основанием, что К. Д. Ушинский был великим психологом имен-

но потому, что он был великим педагогом и, в свою очередь, его величие в педагогике в значительной мере связано с его капитальным вкладом в развитие русской научной психологии» [Ананьев, 2007, с. 389]. «Невозможно понять оригинальное направление К. Д. Ушинского в педагогике и методике родного языка, отсекая психологическую основу этого направления. И тем более невозможно понять глубокую жизненность и новизну психологических идей К. Д. Ушинского, рассматривая его лишь как психолога» [Ананьев, 2007, с. 388]. Отметим, что Б. Г. Ананьев неоднократно обращался к анализу творчества К. Д. Ушинского [Ананьев, 1945; 1969; 2007а; 2007б], оценки его творчества неизменно оставались очень высокими, но великим психологом Ананьев К. Д. Ушинского больше не называл.

Высокую оценку творчеству К. Д. Ушинского давал и С. Л. Рубинштейн, в том же 1945 году писавший, что «Ушинский для обоснования дорожного ему дела воспитания и обучения не считал правильным и возможным ограничиться разработкой особой педагогической психологии, оставив в стороне общую психологию как нечто, к чему педагог прямого и непосредственного отношения якобы не имеет. В своем главном труде «Опыт педагогической антропологии» он как педагог обратился к вопросам *о б щ е й п с и х о л о г и и ч е л о в е к а* (Курсив – В. М.), к проблемам «антропологии». Самая антропология для него глубоко и оригинально превратилась из чисто биологической в педагогическую дисциплину. Он занялся изучением *п р и р о д ы* человека, особенно его психологической природы, но самую природу человека он правильно постиг как *обусловленную* в своем развитии и становлении *деятельностью воспитания и обучения*. Этим Ушинский – в формах, доступных передовой науке его времени, – подошел именно к той концепции психического развития человека, которая получила новое обоснование и развитие в наши дни в советской психологии (Разрядка С. Л. Рубинштейна – В. М.)» [Рубинштейн, 1973, с. 184].

Заключение

Возникает естественный вопрос: почему не увенчалась успехом попытка выдающихся советских психологов – Б. Г. Ананьева, С. Рубинштейна, К. Н. Корнилова и др. – провозгласить К. Д. Ушинского великим психологом? Ответ находим в политических и социокультурных реалиях эпохи. В 1948 году во втором томе издава-

емого собрания сочинений редакторы указывают, что психологические взгляды Ушинского содержат много «идеалистических мыслей», а «последовательным материалистом Ушинский не стал до конца жизни (курсив – В. М.)» [Ушинский, 1948, с. 8]. В то время великим психологом мог считаться только последовательный материалист. Таким образом, возникает парадокс: Ушинский официально считается великим педагогом, но великим психологом его назвать нельзя [подробнее см.: Мазиллов, 2023].

Завершается год Ушинского. Как можно полагать, в значительном вкладе Ушинского в психологию уже никто не сомневается. Возможно, пришла пора воздать Константину Дмитриевичу Ушинскому должное: официально признать его автором первой практико-ориентированной системы научной психологии.

Библиографический список

1. Ананьев Б. Г. Проблемы педагогической антропологии // Избранные труды по психологии. Т. 2. Развитие и воспитание личности / под ред. Н. А. Логиновой. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2007б. С. 499–514.
2. Ананьев Б. Г. К. Д. Ушинский – великий русский психолог // Избранные труды по психологии. Т. 1. Очерки психологии. История русской психологии / под ред. Н. А. Логиновой. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2007а. С. 388–409.
3. Ананьев Б. Г. Педагогическая антропология К. Д. Ушинского и ее современное значение // Вопросы психологии. № 2. 1969. С. 3–14.
4. Ананьев Б. Г. К. Д. Ушинский – великий русский психолог // Советская педагогика № 12. 1945. С. 98–111.
5. Вундт В. Основания физиологической психологии. Москва : Типогр. М. Н. Лаврова и Ко., 1880. 1040 с.
6. Ждан А. Н. Российская психология: Антология. Москва : Академический Проект; Альма Матер, 2009. 1279 с.
7. Кант И. Сочинения в 6-ти т. Т. 6. Москва : Мысль, 1966. 743 с.
8. Корнилов К. Н. К. Д. Ушинский как психолог // Памяти К. Д. Ушинского. Ученые записки. Т. 33. Москва : МГПИ им. В. И. Ленина, 1946. С. 30–37.
9. Мазиллов В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль : МАПН, 1998. 356 с.
10. Мазиллов В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии. Ярославль : МАПН, 2002. 165 с.
11. Мазиллов В. А. О психологических понятиях и методологии психологии // Вопросы психологии. № 1. 2020. С. 71–83.
12. Мазиллов В. А. Великий психолог: К. Д. Ушинский как методолог психологии // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 116–127.
13. Мазиллов В. А. Великий русский психолог Константин Дмитриевич Ушинский // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 1 (130). С. 101–115.
14. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии : избранные труды. Москва : Педагогика, 1984. 272 с.
15. Рамуль К. А. К. Д. Ушинский и западноевропейская психология // Вопросы психологии. 1956. № 5. С. 113–124.
16. Рубинштейн С. Л. Психологическая наука и дело воспитания // Проблемы общей психологии. Москва : Педагогика, 1973. С. 183–193.
17. Снегирев В. А. Психология. Санкт-Петербург : Общество памяти игумении Таисии, 2008. 768 с.
18. Снегирев В. А. Психология. Систематический курс чтений по психологии профессора Казанской духовной академии В. А. Снегирева. Харьков : Типография Адольфа Дарре, 1893. 689 с.
19. Снегирев В. А. Психология и логика как философские науки // Православный собеседник. 1876. Т. 2. С. 427–451.
20. Современная экспериментальная психология. В 2-х т. Т. 1 / под ред. В. А. Барабанщикова. Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 555 с.
21. Стоюхина Н. Ю. Вениамин Алексеевич Снегирев: психолог и богослов / Н. Ю. Стоюхина, В. А. Мазиллов, А. А. Костригин // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 138–149.
22. Струминский В. Я. Проблема воспитания в педагогической системе К. Д. Ушинского // К. Д. Ушинский Избранные педагогические сочинения. Т. 1. Вопросы воспитания. Москва : Государственное Учебно-педагогическое издательство, 1953. С. 7–52.
23. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 2. Москва; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1948. 656 с.
24. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 8. Москва; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1950. 778 с.
25. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 9. Москва; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1951. 628 с.
26. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 10. Москва; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1952. 668 с.
27. Филатов В. С. Учение Ушинского о воле и ее воспитании // Ученые записки. Вып. XIII (XXIII). Педагогика и психология. Ярославль : ЯГПИ, 1948. С. 75–105.
28. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig : Engelmann, 1874. XII, 870 S.

Reference list

1. Anan'ev B. G. Problemy pedagogicheskoy antropologii = Problems of pedagogical anthropology // Izbrannye trudy po psihologii. T. 2. Razvitie i vospitanie lichnosti / pod red. N. A. Loginovoj. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGU, 2007b. S. 499–514.
2. Anan'ev B. G. K. D. Ushinskij – velikij russkij psiholog = K. D. Ushinsky – the great Russian psychologist // Izbrannye trudy po psihologii. T. 1. Oчерki psihologii. Istorija russoj psihologii / pod red. N. A. Loginovoj. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPb GU, 2007a. S. 388–409.

3. Anan'ev B. G. Pedagogicheskaja antropologija K. D. Ushinskogo i ee sovremennoe znachenie = Pedagogical anthropology of K. D. Ushinsky and its modern significance // *Voprosy psihologii*. № 2. 1969. S. 3–14.
4. Anan'ev B. G. K. D. Ushinskij – velikij russkij psiholog = K. D. Ushinsky – the great Russian psychologist // *Sovetskaja pedagogika* № 12. 1945. S. 98–111.
5. Vundt V. Osnovaniya fiziologicheskoy psihologii = Foundations of physiological psychology Moskva : Tipogr. M. N. Lavrova i Ko., 1880. 1040 s.
6. Zhdan A. N. Rossijskaja psihologija: Antologija = Russian psychology: Anthology Moskva : Akademicheskij Proekt; Al'ma Mater, 2009. 1279 s.
7. Kant I. Sochinenija v 6-ti t. = Compositions in 6 vols. T. 6. Moskva : Mysl', 1966. 743 s.
8. Kornilov K. N. K. D. Ushinskij kak psiholog = K. D. Ushinsky as a psychologist // *Pamjati K. D. Ushinskogo. Uchenye zapiski*. T. 33. Moskva : MGPI im. V. I. Lenina, 1946 S. 30–37.
9. Mazilov V. A. Teorija i metod v psihologii = Theory and method in psychology Jaroslavl' : MAPN, 1998. 356 s.
10. Mazilov V. A. Aktual'nye metodologicheskie problemy sovremennoj psihologii = Current methodological problems of modern psychology. Jaroslavl' : MAPN, 2002. 165 s.
11. Mazilov V. A. O psihologicheskix ponjatijah i metodologii psihologii = On psychological concepts and methodology of psychology // *Voprosy psihologii*. № 1. 2020. S. 71–83.
12. Mazilov V. A. Velikij psiholog: K. D. Ushinskij kak metodolog psihologii = Great psychologist: K. D. Ushinsky as a methodologist of psychology // *Psihologicheskij zhurnal*. 2023. T. 44. № 2. S. 116–127.
13. Mazilov V. A. Velikij russkij psiholog Konstantin Dmitrievich Ushinskij = Great Russian psychologist Konstantin Dmitrievich Ushinsky // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2023. № 1 (130). S. 101–115.
14. Petrovskij A. V. Voprosy istorii i teorii psihologii : izbrannye trudy = Questions of history and theory of psychology: selected works. Moskva : Pedagogika, 1984. 272 s.
15. Ramul' K. A. K. D. Ushinskij i zapadnoevropejskaja psihologija = K. D. Ushinsky and Western European psychology // *Voprosy psihologii*. 1956. № 5. S. 113 – 124.
16. Rubinshtejn S. L. Psihologicheskaja nauka i delo vospitanija = Psychological science and education // *Problemy obshhej psihologii*. Moskva : Pedagogika, 1973. S. 183–193.
17. Snegirev V. A. Psihologija = Psychology. Sankt-Peterburg : Obshhestvo pamjati igumenii Taisii, 2008. 768 s.
18. Snegirev V. A. Psihologija. Sistematičeskij kurs čtenij po psihologii professora Kazanskoj duhovnoj akademii V. A. Snegireva = Psychology. Systematic reading course in psychology of professor of Kazan Theological Academy named after V. A. Snegirev. Har'kov : Tipografija Adol'fa Darre, 1893. 689 s.
19. Snegirev V. A. Psihologija i logika kak filosofskie nauki = Psychology and logic as philosophical sciences // *Pravoslavnyj sobesednik*. 1876. T. 2. S. 427–451.
20. Sovremennaja jeksperimental'naja psihologija = Modern Barabanshnikova. Moskva : Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2011. 555 s.
21. Stojuhina N. Ju. Veniamin Alekseevich Snegirev: psiholog i bogoslov = Veniamin Alekseevich Snegirev: psychologist and theologian / N. Ju. Stojuhina, V. A. Mazilov, A. A. Kostrigin // *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik*. 2015. № 3. S. 138–149.
22. Struminskij V. Ja. Problema vospitanija v pedagogičeskoy sisteme K. D. Ushinskogo = The problem of education in the K. D. Ushinsky pedagogical system // *K. D. Ushinskij Izbrannye pedagogičeskie sočinenija*. T. 1. *Voprosy vospitanija*. Moskva : Gosudarstvennoe Učebno-pedagogičeskoe izdatel'stvo, 1953. S. 7–52.
23. Ushinskij K. D. Sočinenija. T. 2. = Compositions. V. 2. Moskva; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1948. 656 s.
24. Ushinskij K. D. Sočinenija. T. 8. = Compositions. V. 8. Moskva; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1950. 778 s.
25. Ushinskij K. D. Sočinenija. T. 9. = Compositions. V. 9. Moskva; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1951. 628 s.
26. Ushinskij K. D. Sočinenija. T. 10. = Compositions. V. 10. Moskva; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1952. 668 s.
27. Filatov V. S. Učenie Ushinskogo o vole i ee vospitanii = Ushinsky's teachings on will and its upbringing // *Učenie zapiski*. Vyp. XIII (XXIII). Pedagogika i psihologija. Jaroslavl' : JaGPI, 1948. S. 75–105.
28. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig : Engelmann, 1874. XII, 870 S.

Статья поступила в редакцию 20.12.2023; одобрена после рецензирования 12.01.2024; принята к публикации 18.01.2024.

The article was submitted 20.12.2023; approved after reviewing 12.01.2024; accepted for publication 18.01.2024.